

Петербургский университет

ПЕТЕРБУРГСКИЙ Университет был основан 8 февраля 1819 г. Через пять лет после окончания чюдо Ун-та 8-21 февраля 1919 г. в разгар гражданской войны, мне пришлось присутствовать на собрании, организованном в помещении Окружного Суда в г. Екатеринбурге по случаю столетия со дня основания Ун-та, в которых прошли лучшие годы моей юности...

Это была последняя встреча б. студентов-петербуржцев на Русской территории.

Через год несколько петербуржцев в холодный февральский вечер, собрались в Галлиоти, в угольной моей комнате, для того, чтобы за чашкой чаю вспомнить о том, как в день великомученика Федора Стратилата в Петербурге 8 февраля 1819 г. было окончательно оформлено постановление об открытии Ун-та в здании б. двенадцати колледжей, о том, сколько талантливых и известных людей получили в стенах его образование, о том, какую великую роль сыграл Ун-т в развитии русской культуры — уже много раз писалось на страницах «Р. М.». Это — уже всем давно известная «древняя история». В настоящей заметке я хочу только поделиться своими впечатлениями о том периоде времени, когда мне самому посчастливилось быть студентом этого Ун-та...

В этот четырехлетний период вошли последние «мирные» годы перед началом 1-й мировой войны. Однако для того, чтобы почувствовать и понять настроение студенчества и условия, в которых пришлось жить и работать университетской молодежи моего времени, необходимо вернуться к концу прошлого столетия, дабы ощутить перемены, создавшиеся в настроении студенчества после Японской войны и революции 1905 г. Оправах и укладе университетского быта прошлого времени я узнал из обстоятельной статьи Л. Маркова, опубликованной много лет назад в одной из эмигрантских газет в США. Передаю, по возможности кратко, впечатления Маркова об университетской жизни в период времени 1896-1900 гг...

Прежде всего студент первокурсник, по приезде в Ун-т, знакомился со своим районным «педелем», т. е. надзорителем (пожилые люди из б. унтеров, облеченные в черные штатские сюртуки), который был обязан следить за внешним порядком и осведомлять полицию о политических на-

строениях студентов. Несмотря на присутствие педелей, политическая «акция» открыто процветала в стенах Ун-та: в вестибюле, за маленькими столиками, заседали небольшие группы великолюбивых, бородатых студентов — представителей различных революционных партий (народники, с-ры, с-деки, анархисты и пр.). Здесь можно было записаться в к-л. политическую партию, купить билет на благотворительный вечер, политическую брошюру или листовку. Среди студентов было «почти обязательным», если не принадлежать к какой-либо революционной партии, то быть «левым» или, в крайнем случае, «либеральным». Сходки, митинги и даже уличные демонстрации были бытовым явлением. «Правых» называли «белоподкладочниками». Уни-

К 154-ОЙ ГОДОВЩИНЕ ОСНОВАНИЯ СПБ. У-ТА

ны. Политика вывела из стен Ун-та и перекочевала в Таврический дворец. За четыре года моего пребывания в Ун-те, только один раз мне пришлось наблюдать студенческие беспорядки, возникшие, если мне не изменяет память, по поводу кровавых событий на Ленских присках. Как возникла скадка в университете коридоре, я не знаю: в этот день я подошел к зданию Ун-та часов в 11 утра, но в помещение Ун-та проникнуть мне не удалось, т. к. здание Ун-та было оцеплено конными жандармами. Зрелище было довольно импозант-

ным и около жандармской цепи собралась толпа зевак, в большинстве — студентов. Вечером того же дня мне рассказали, что жандармам не удалось арестовать участников скадки, т. к. они задержали студентов, выходивших после лекций в другом конце огромного коридора. Через несколько часов недоразумение выяснилось и задержанных студентов отпустили на волю.

Все же общее настроение студенческой массы было весьма либеральным, а при случае и крайне активным. Напр., небольшая группа «академистов» (без всякого гнева) огромной массы остального студенчества), не без оснований считалась нерукопожатой: эта группа, (примущественно не очень обеспеченных материально и не очень успевающих в науках, ис-

тремяющихся к «блестящим карьерам») «академистов», обычно «патронировалась» в персональном порядке влиятельными дамами бальзаковского возраста, имевшими большие связи... Либеральное отношение студенческой массы выражалось в остро отрицательном отношении к профессорам, назначенным министром Народного Просвещения. В мое время на юридическом факультете таких профессоров было два: Грибовский (энциклопедия права), назначенный в противовес проф. Петражицкому и проф. Пиленко. Об участии Грибовского я не имею сведений, но продолжение деятельности Пиленко мне известно. Этот профессор, кажется, не имел никаких ученых трудов. Он состоял сотрудником «Нового Времени» и был совершенно враждебен к инородцам. Экзамен по его предмету (Международное право) входил в состав государственных экзаменов, почему для очень многих студентов держать гос. экзамены в Петербургском Ун-те было очень рисковано. В эмиграции Пиленко после 2-ой мировой войны выбрал сов. паспорт и заделался пылким сов. патриотом. Дальнейшая его судьба мне не известна...

Было у меня и личное проишествие политического характера... Явился ко мне на квартиру однажды малознакомый студент Богдан Г-вань и попросил разрешения провести ночь в моей комнате, т. к. его «ищет полиция». Я уступил ему свою кровать, утром напоил чаем, дал на дорогу 5 руб. и был бесконечно горд тем, что помог политическому изгнанинику и борцу за свободу. Через много лет, после февральской революции, я состоял на службе в Персии в Корпусном Суде и для сведения получил из Петрограда список агентов тайной полиции. В этом списке я нашел имя моего «борца за свободу», дружбой которого я так дорожил...

Что случилось со студенчеством после окончания чюдо Ун-та, я имею весьма смутное представление. В ноябре 1914 г. мне удалось на 4 дня привезти в Петербург. Шла война и Петербург уже был переименован в Петроград. В Ун-т мне зайти не удалось, но в «Музикальной Драме» я все же побывал. Внешний вид столицы (особенно столичной толпы на Невском) сильно изменился: «Блистательный Санкт-Петербург» ушел от нас навсегда... В сентябре на следующий год я был мобилизован...

В заключение расскажу еще об одном эпизоде. В феврале 1914 г. мне необходимо было по делу зайти на квартиру приват-доцента (впоследствии — профессора) Рейснера. Дверь в квартиру мне открыла девочка лет 14-15, которая определенно «играла» во взрослую светскую барышню. Она проводила меня в гостиную и развлекала до прихода отца в течение нескольких минут светским разговором о погоде. Оней в воскресенье много позже, когда во время гражданской войны до меня дошли смущенные слухи о том, что Лариса Рейснер-Раскольникова сделала блестящую карьеру по ведомству Феликса Эдмундовича...

Все это было в Москве, стеклом будет лежать труп, ничего там не переменится. Потого несть власти сильнее власти трупа! И они это знают. Вы им были, Олег Борисович, и можете подтвердить, как они тружаются: и день и ночь и с ружьями наготове. И проехать возле нельзя, он чёртой отгорожен, как в старину отгораживали вую силу... Потому что и это знают: не ракеты и не бомбы охотят власть, а труп. Он сильнее всех бомб и ракет... А огурцы же — это наш русский мужик, который тоже и медведем бы стал. Вот, что, Георгий Бикторович, я за тринацать лет наду: что так и есть: Россия управляемая трупом.

Из всех моих литератур друзей Одарченко изменился больше всех. Он покуда и осуждёнщиком на нем висел, воротных рубашки был явно широк. И да и его прежняя ирония. Он словно ушел в себя. В тот славный февральский вечер, когда род Фонарем он читал мне стихи, я бы сам им не верил и лишь интересовался, проверяя на эффект. Теперь же словно из свинца каждое слово отливал — буй, не поверя!

Смоленский опустил г

Слово Архиепископа Иоанна Сан-Францисского на молебне в Русском Центре в Сан-Франциски

РАЗДНОВАНИЕ Русским Центром в Сан-Франциско дня Святой Мученицы Татьяны имеет уже свою традицию. Св. Татьяна — Покровительница Русского Центра. Почему именно Татьяна была избрана ангелом этой большой русской организации в Америке? Несомненно, это стало в силу того, что св. Татьяна является покровительницей русского просвещения. Татьянин День 12-го января был университетским праздником первого Российского университета в Москве, праздником русского знания, русской свободной науки.

Исторические данные в Православном Энциклопедическом Словаре указывают, что ее подвергали пыткам, и она скончалась в страданиях за веру около 222 года по Рождестве Христовом. Вычтем эти годы из нашего календарного года и мы увидим, что сегодня большой юбилей Татьяны: 1750 лет со дня ее кончины. Это знаю, вспоминает ли кто этот юбилей. Но мы имеем эту привилегию.

Кто помнит старую Россию и дореволюционную Москву, тот помнит и эти золотые (вдвойне золотые!) слова про фронтон здания Московского Университета: Свет Христов просвещает всех. Свету Божьему была посвящена русская наука и этот Свет был целью русского просвещения.

И эти золотые слова были оторваны от России, от ее культуры. Мы не забываем этих слов, этой веры. Хоть может быть мы не все о них помним, не у всех они горят сейчас в сердце, не всех ведут к вытекающим из этой веры поступкам. Веря — не обряд, а горение сердца к Богу.

Празднуя русскую культуру мы не всегда помним эти ее золотые слова, начертанные на зда-

нии Московского Университета. И даже в своих церковных драгоценных оградах единой веры мы разбиваемся на партии, словно не понимаем, во что обошлось нам это похищение святых слов о Христе, похищение самого Света Христова из русской жизни.

Святая Татьяна — символ русской науки, русского просвещения. Можно сказать, что она была вторично умечена в России. И надо нам вдвое праздновать это мученичество человеческой души.

Будем покаянны и не будем с себя сбрасывать ответственности за все произшедшее, за исчезновение в Москве золотых этих слов о вере во Христа. Не будем говорить, что дело все в том, что напал неожиданно на нас серый волк и отташил в свой темный лес. Начиная с нас, архиастырей и пастырей Церкви, мы не только жертвы, но и участники в вине перед Господом Богом, за свою теплохладность в вере православной; вследствие этого и стало все, что произошло с нами и с Россией.

У Господа Бога нет несправедливости. Секущие ветер пожидают бурю. Спасенные, милостью Божией, от этой бури на берегах благословенной Америки, мы с тревогой и болью смотрим на всякий знак разнудываения опасных сил в этой благодатной стране.

Плачет св. муч. Татьяна с сих людях, лишенных на ственной рукой открытого жения их веры в своей с. Плачет, я думаю, Татьяна нас, еще мало горящих к, и так мало пользующихся общественной свободой должения Богу и людям.

С фронтона Московского Университета на всю Россию из ее пределов светили слова: Св. Христов просвещает всех. И мы сейчас видим, помним их си

ние. То был голос св. мученики Татьяны, безвестной девушки, глубины веков говорившей на

Пусть же это малое празднование ее имени не будет толь частью нашего русского фольклора, увезенного нами из России, умилиющего нас. Это не фоклор. Это сердце жизни. Д-р идет о более важном, чем восминание о прошлом. Речь иде том, написаны ли сейчас на шем личном и общественном, в наших душах эти сло

«Свет Христов просвещает вс.

Или может быть пишет еще: на своих домах и в своих сердцах какие-то другие, нами выдуманные слова, отражающие в разделения, являющие нашу тайности и — проникающие же в церковные наши оград

Плачет св. муч. Татьяна с

сих людях, лишенных на

ственной рукой открытого

жения их веры в своей с.

Плачет, я думаю, Татьяна

нас, еще мало горящих к,

и так мало пользующихся

общественной свободой д

олжения Богу и людям.

Архиепископ Иоанн С

НИКАХИХ «педелей» в мое время в Ун-те не было. Свобода была полная. Каждый распределял свое время по своему и это было очень приятно. Огромный университетский коридор часто способствовал совершенно неожидан-

но

внешний вид ст

олицы (особенно столичной

толпы на Невском) сильно из

менился:

«Блистательный

Санкт-Петербург» ушел от нас навсегда...

В сентябре на сле

дующий год я был мобилизо

ван...

К. ПОМЕРАНЦЕВ

ЮГОСЛАВСКИЕ НЕГАТИВЫ

Россия, стихия, мессия,
Мессия грядущего дня.

Андрей Белый

5. «ПОЭЗИЯ — ТОЧНЕЙШАЯ НАУКА»

ОПЯТЬ выехали поздно. Жена растерла ногу и лишь в энной аптеке нашли адекватную мазь, Мурочек взбрело обзавестить гон-

я в югославскую дорогу, разглядывал югославские деревни, выискивал югославские строения, высывал за окно руку, поворачивал ее ладонью вперед, чтобы почувствовать на ней югославский воздух, а в душе благодарили Олега и Женю за югославскую фантазию.

Дорога напоминала французскую «департаментальную», из тех, что на картах «Мишлен» проведены желтой чертой. И качества были соответствующими, т. е. вполне обиходного, но без «скоростных» излишеств, главным образом из-за мелкохолмистости ландшафта.

Изак Юргелев

Виртуальный музей
<http://historymuseum.su/>

Арк. Слизской